

СПЕЦНАЗ | БЕРИИ

«Уникальные боевые операции, сорванные планы врагов, спасенные жизни мирных людей – за всем этим стоят бойцы спецподразделения НКВД, подчиненного лично Лаврентию Берии».

АЛЕКСАНДР ТАМОНИКОВ

• ЧЕЛОВЕК • С ДВОЙНЫМ ЛИЦОМ

Спецназ Берии

Александр Тамоников

Человек с двойным лицом

«ЭКСМО»

2019

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Тамоников А. А.

Человек с двойным лицом / А. А. Тамоников — «Эксмо»,
2019 — (Спецназ Берии)

ISBN 978-5-04-104989-8

Июнь 1941 года. В прифронтовой полосе немецкие диверсанты захватывают «секретного» инженера Николая Маханова. Специалисты такого уровня находятся под личным контролем Л. П. Берии, поэтому на поиски отправляются лучшие из лучших – группа майора Максима Шелестова. Однако в указанном районе следов Маханова не обнаружено. Что, если он уже на вражеской территории? Но Максим не сдаётся. Он предполагает, что инженер жив и в одиночку пытается вырваться из рук фашистов. Эта невероятная версия подтверждается после того, как группа Шелестова неожиданно становится свидетельницей страшного происшествия...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-104989-8

© Тамоников А. А., 2019
© Эксмо, 2019

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	19
Глава третья	32
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Александр Тамоников

Человек с двойным лицом

Глава первая

Кандидат технических наук Маханов Николай Иванович в строгом черном костюме в полоску, белой, уже несвежей рубашке без галстука, который он снял еще в Москве, когда садился в поезд, вышел в тамбур с небольшим чемоданом в руках. Здесь, по крайней мере, было немного прохладней. И не был слышен плач ребенка, что капризничал от самого Киева. Мать, как ни старалась успокоить его – не получалось.

У Маханова не было детей. Да и женился он только два месяца назад. Представив, что и его в будущем ждет такое же счастье, Николай Иванович передернул плечами. Здесь, в тамбуре, не было слышно и двух мужиков, которые сели в поезд на прошлой станции и увлеченно пили самогон, сваренный, судя по запаху, из рубероида. Но их он устраивал, и мужики делали перерыв только на короткие промежутки, во время которых с неудержимой и даже открытой агрессией обсуждали подлость какого-то Ивана.

Женщина, сидевшая у окна напротив, попыталась сделать им замечание, но мужики так глянули на нее, что она посчитала за лучшее отвернуться и прикусить язык, что, впрочем, от нее и требовалось. И вообще, находясь в пути вот уже сутки, с четырехчасовой остановкой в Киеве, Маханов устал. Настроение – и так хуже некуда, а тут еще соседи. И каких только в дороге не встретишь! Хотя, следует признать, что большинство из них – нормальные советские люди. Но, как говорится, «в семье не без урода».

Он достал пачку «Казбека», прикурил и с удовольствием затянулся. Посмотрел на часы – «Кировские» были роскошью даже в Москве. В основном в ходу были карманные. Стрелки показывали 21:37. Это означало, что в город, если поезд не опаздывает, он приедет через тринадцать минут.

За окном простучал мост над рекой, следовательно, поезд не опаздывает. От моста до вокзала как раз где-то минут пятнадцать. Сразу за мостом пошли небольшие хаты пригородных поселков.

В тамбур вышел еще один мужчина постарше Маханова, но ненамного, также, как Николай Иванович, в костюме и при галстуке. Странно, но Маханов за четыре с половиной часа пути от Киева ни разу его не видел. Или он выходил курить в другой тамбур? Этот тоже достал папиросу «Казбек», прикурил. Посмотрел сначала на Николая Ивановича, потом за окно:

– Кажется, подъезжаем?

Он ни к кому не обращался, просто высказал предположение, но в тамбуре они были вдвоем, и поэтому Маханов счел нужным ответить:

– Да, до станции меньше десяти минут.

– В командировку? – спросил мужчина и тут же поправился: – Извините, разрешите представиться – Агеев Александр Владимирович.

Не хотел Маханов вступать в разговор, но пришлось.

– Очень приятно. Маханов Николай Иванович. Нет, я еду не в командировку, а домой.

– А я в командировку, будь она неладна, еще раз извините, вы живете в городе?

– Нет, я живу в Москве, еду на свою родину, в Олевский район, слышали о таком?

Странно, но Агеев располагал людей к откровенности во время разговора. Качество, которым обладают немногие.

Он отрицательно покачал головой:

– К сожалению, нет, да и в город я по служебным делам.

- Вы... военный? – спросил Маханов.
- Да, а как вы узнали?
- По внешнему виду.
- Часто общаетесь с военными? Или... нет, вы на офицера не похожи.
- Благодарю за комплимент.
- Я не хотел вас обидеть.

Маханов вздохнул:

– Какие могут быть обиды, Александр Владимирович. Да, мне приходится часто общаться с военными, по роду так сказать, работы, но... это касается только меня.

Агеев улыбнулся:

- Бдительность превыше всего?
- А разве не об этом нам напоминают плакаты на каждом углу?
- Вы правы. Давайте, попробую отгадать, почему вы едете домой. Вы в отпуске, так?
- Да.
- Счастливый человек! А мне в отпуск – в декабре, и то, если отпустят.
- Я бы многое отдал, чтобы не ездить в этот отпуск, – проговорил Маханов, закуривая

вторую папиросу.

– Почему? – удивился попутчик.

– На похороны отца еду. – Маханов глубоко затянулся, поперхнулся, закашлялся. На глазах выступили слезы.

– Вот оно как, – протянул Агеев, – примите мои соболезнования.

Маханов откашлялся:

– Спасибо.

И вдруг его словно прорвало:

– Я был дома два года назад. Обещал отцу, что приеду. Он – последний близкий мне человек. Есть, конечно, родня, но все это не то. Весной он написал письмо, спрашивал, приеду ли? Я обещал, да не смог – работа. И вот теперь... да что там. – Он махнул рукой, вновь глубоко затягиваясь дымом папиросы.

– Извините, Николай Иванович, а мама?

Маханов раздавил окурочек в жестяной банке, которая висела на двери:

– Мама умерла в тридцать седьмом.

– Понятно. Я тоже, знаете ли, один на этом свете. Родителей не помню, как оказался в детском доме – тоже. Хорошо помню, как с товарищами сбегал оттуда, беспризорничал... Но, кажется, подъезжаем.

Паровоз издал длинный гудок, сбросил скорость. Состав медленно, скрипя тормозами и лязгая сцепкой, въехал на главный путь и стал.

– Ну вот и город, – проговорил Агеев и взглянул на Маханова. – Я за вещами. А вам есть где остановиться? Если нет, могу пристроить в гостинице комендатуры.

– Нет, благодарю, вы поспешите, а то вещи уведут. С этим тут просто.

– До свидания.

– Всего хорошего.

Маханов, не дожидаясь проводника, дернул ручку. Дверь оказалась открытой, и он сошел на перрон. Поправил шляпу, взглянул на окна вагона: те, кому выходить, начали собираться. Поезд шел дальше, в Белоруссию. Таких составов были единицы, но они были.

Маханов подумал, а кого, собственно, он ждет? Военного, с которым встретился в тамбуре? Но ему с ним не по пути. Да и о чем говорить? За какие-то десять минут было сказано больше, чем за всю дорогу. Расстегнув пиджак и сдвинув шляпу на затылок, Николай Иванович миновал вокзал и вышел на привокзальную площадь.

Там нес службу наряд милиции. Маханов был первый, кто вышел из вокзала с момента прибытия Киевского поезда, он просто не мог не привлечь внимания охранников правопорядка. Его окликнули:

– Молодой человек.

Маханов повернулся:

– Да?

Наряд уже был рядом.

Сержант козырнул, представился, но Маханов не расслышал фамилию.

– Документы предъявите.

Николай Иванович поставил на мостовую чемодан, достал из внутреннего кармана пиджака паспорт, протянул милиционеру:

– Пожалуйста.

Сержант внимательно изучил документ:

– Из Москвы, значит. И по какой надобности к нам?

Милиционер смотрел равнодушным взглядом – исполнял обязанности, не более того. Но за внешним безразличием скрывалась та самая бдительность – слово, которое уже вызывало у Маханова аллергию.

Появились и другие пассажиры, с ними Агеев.

– Какие-то сложности, Николай Иванович?

Вперед выступил второй патрульный:

– А вам, что, гражданин, больше всех надо? А ну-ка, предъявите свои документы.

Агеев достал удостоверение личности, раскрыл перед конопатым лицом молодого милиционера.

Тот отработанным жестом поправил португепю, козырнул:

– Извините, товарищ майор, сами понимаете, не ради любопытства.

– Понимаю – служба.

– Так точно, товарищ майор.

Подобрался и сержант.

Рядовой отчеканил:

– Товарищ майор Агеев.

Старший наряда кивнул на Маханова:

– Вы знаете этого человека, товарищ майор?

– Да. Еще вопросы будут?

– Извините, конечно, – сержанту, видно, пришлось не по душе вмешательство армейского офицера, – вы, товарищ майор, к нам прибыли в командировку?

– А пошли, сержант, своего напарника, пусть он позвонит в комендатуру. Там ответят на твой вопрос, а я перед тобой отчитываться не обязан.

Сержант хмыкнул, хоть офицер был ему и не по душе, но вступать в конфликт с майором, неизвестно еще какую структуру в армии представляющим, не хотелось. Он вернул паспорт Маханову:

– Можете быть свободны.

Николай Иванович положил документ обратно в карман:

– И стоило ли вмешиваться, товарищ майор?

Агеев улыбнулся:

– Машинально получилось. Не мог же я пройти мимо? Ладно, подобные проверки тоже нужны. Вам, Николай Иванович, в какую сторону?

– По Вокзальной, налево. Тут рядом.

– Автобусы уже не ходят. За мной должна прибыть машина, что-то я ее не вижу, ну и черт с ней, дойду пешком, до комендатуры недалеко.

– Спасибо. Почему вам не дождаться машины? У вас, военных, не то что у штатских. Должна прибыть, значит, прибудет. А вас нет на месте.

- Водитель – не мальчик, подождет, уедет. Знаете, терпеть не могу ждать.
- Ну, это ваше дело. До свидания.
- До свидания, Николай Иванович, и... еще раз – соболезную.
- Благодарю.

Маханов пошел через площадь к закрытому привокзальному магазину. На углу обернулся. Майора на площади не было. «Быстро же успел пройти в переулок», – подумал Маханов и тут же забыл об офицере.

Время, по меркам провинциального города, пусть даже и областного центра, – уже позднее, а ему следовало поспешить.

Маханов пошел по Вокзальной улице. Дошел до второго переулка, свернул.

Здесь все утопало в зелени. Над заборами нависали ветви фруктовых деревьев, в палисадниках шумели кусты сирени, она отцвела в конце мая, теперь распустился жасмин. Запах цветов заполнял улицу. Впрочем, это был не жасмин. Так в России называют чубушник, хотя разница между ними внешне незначительная. И вряд ли, кто знает об этом. Спроси у местных, что за куст цветет, ответят – жасмин.

Идти ему было недалеко. У калитки второго участка Маханов остановился. В конце переулка маячил человек. Похоже, кого-то ждал.

Николай Иванович вздохнул, перегнулся через калитку, сбросил крючок. Прошел по узкой дорожке к крыльцу. В окнах горел свет.

Он постучал. Послышались шаги и стук костыля.

- Кто там? – раздался приятный женский голос.
- Мария Никаноровна, это Николай Маханов.
- Ой, Коля, сейчас, погоди.
- Она отодвинула засов, открыла дверь.
- Приехал?
- Приехал. Разве я мог не приехать?
- Да, конечно, горе-то, Коля, какое... Ты проходи, проходи...

Как только Маханов направился по адресу, Агеев вернулся на вокзал. Постоял минут пять. Потом быстро перешел площадь, прошел привокзальный переулок, остановился возле закрытого пивного ларька. Посмотрел на часы. И тут же резко обернулся. Перед ним стоял мужчина.

– Вот черт, Генрих, и что у тебя за привычка подходить бесшумно?

Незнакомец улыбнулся:

- Тебя что-то не устраивает?
- Можно и без этого.
- В следующий раз буду шуметь на весь город. Что у нас?
- У нас все в порядке. Он приехал. Надеюсь, его контролируют?
- Во втором переулке. На Вокзальной я решил не светиться.
- Правильно. Незачем тревожить людей. Особое внимание к нему завтра.
- Я все прекрасно знаю, Алекс. Связь по прежнему каналу?
- Да. Все, я в комендатуру, а ты занимайся господином Махановым, мне надо знать все о его передвижениях.

– Их несложно предугадать. Завтра он поедет в райцентр Олевск, оттуда в село Горбино, у него же умер отец?

– Не надо гадать, надо точно знать, где он и что делает.

– В селе за ним присмотрят. Но если задержится в Олевске... сам понимаешь, там контроль невозможен.

– А ты постарайся сделать так, чтобы все было возможно. Все, что касается господина Маханова. И задержаться он не должен – он спешит в деревню. До встречи.

– Счастливо.

Агеев поспешил в комендатуру, до которой от вокзала было минут пятнадцать быстрым шагом.

Генрих остался у ларька. Там же встретил связного, который доложил:

– Он у своей тетки!

– Хорошо. Продолжай смотреть за переулком, к дому не подходи.

– Это не так просто. Военные патрули, наряды милиции...

Генрих перебил связного:

– Что ты еще хочешь сказать, Дирк?

– Дмитрий, Генрих... Дмитрий Владимирович Коротко.

– Так что ты еще хочешь сказать, Дмитрий Владимирович Коротко?

– Ничего, герр Ковалев, кроме уже сказанного.

– Просто в нашей работе не бывает. Утром, как проводишь клиента, подойдешь сюда, доложишь по ходу, не останавливаясь. Удачи.

– Спокойной ночи, герр Ковалев, – улыбнулся связной.

– Перестань ломаться! Тебе это не идет!

– Привет Альбине.

– Ты еще здесь?

– Только после вас!

– Клоун.

– Нет, Генрих, я не клоун, я веселый человек и смотрю на этот мир с оптимизмом, особенно сейчас, в преддверии грядущих событий. Ауф видерзеен.

Связной повернулся и пошел к вокзалу.

Ковалев направился в сторону Центрального парка культуры и отдыха, где снимал квартиру.

Маханов снял обувь, прошел в комнату. Присел на стул у круглого стола. Вошла и хозяйка – Мария Никаноровна Алексина, родная сестра матери Николая, его родная тетья.

– Сейчас, я на стол соберу, Коля. Если хочешь помыться – на заднем дворе, сосед с утра бочку воду залил. Сейчас еще теплая.

– Да, пожалуй, помоюсь. А то – дорога...

– Помойся, Коль. Где раздеться, ты сам знаешь. Твоя комната готова.

– Спасибо. Трудно вам одной, Мария Никаноровна.

– Я привыкла. Называй меня тетей Машей, не надо по отчеству, мы же родные люди.

– Да, тетя Маша.

Женщина грустно улыбнулась и пошла на кухню.

Маханов прошел в небольшую комнатку. Когда-то здесь жил его двоюродный брат, Сергей. Отсюда он был призван в армию и погиб на Халхин-Голе в тридцать девятом. Тогда же умер и дядя, Михаил Николаевич, тетя Маша осталась одна. Похоронив мужа и сына, она слегла. А после больницы могла ходить только с костылем.

Маханов тряхнул головой, разделся и пошел в душ.

На ужин Мария Никаноровна выставила вареную картошку, порезанный на тонкие полоски кусок сала, малосольные огурцы, грибы, краюху хлеба.

– Подождите, тетя Маша.

Маханов достал из чемодана палку сырокопченой колбасы и бутылку водки.

– Вот.

– Ой, Коля, эта колбаса такая дорогая, ты ее возьми лучше с собой в деревню, там такой не видывали.

– Режьте, тетя Маша, у меня и для деревни есть.

– Ты, наверное, много получаешь?

Маханов как-то не задумывался об этом. Платили ему на самом деле много, две тысячи рублей, оклад командира корпуса, генерал-лейтенанта, если переводить на военных. Николаю и жене его Тамаре всего хватало, да еще супруга как учительница получала семьсот пятьдесят рублей. Из этих денег высчитывался подоходный налог и взносы в так называемый «добровольный» заем.

– Мы с женой не жалуемся.

– Да, ведь ты женился! И кто она?

Маханов пожал плечами:

– Женщина. А если серьезно – Тамара Савельевна Гридман. Теперь, естественно, Маханова.

– Скоро и детишки пойдут, жаль, не увидит их отец твой.

Тамара не хотела детей, но не говорить же об этом родне? Не поймут. Здесь, в провинции, все по-другому. Никому и в голову не придет, чтобы в семье не было детей. А в Москве это в порядке вещей, особенно в тех кругах, что считали себя здоровой, советской аристократией.

– Да, – тихо ответил он.

Бутылка открыта. Мария Никаноровна встрепелась:

– А стопку-то! Стопку-то я не поставила. Или тебе рюмку?

– Стаканы, тетя Маш, и себе тоже.

– Ну, если только пригубить, нельзя мне. Ивана помянуть надо.

Она принесла два стакана.

Тетке Николай плеснул на самое дно, себе налил полный.

– Ну, тетя Маш, за отца.

– Да, Коля, хороший был человек. Царство ему небесное.

Она перекрестилась.

Маханов промолчал. Выпил стакан. Вообще-то он пил очень мало. Можно сказать, не пил совсем. Так, на большие праздники, у родителей Тамары или с начальством. И сразу же хмелел.

– Никогда не прощу себя, тетя Маш, что не приехал раньше. А ведь мог настоять, чтобы отпуск дали, но все откладывал. Дооткладывался. Теперь на похороны бы успеть. Даже не знаю, как буду прощаться. Он же для меня – да что там, вы все прекрасно знаете.

– Иван гордился тобой. Ты же, почитай, из деревни один в люди выбился. Ученым стал.

– Да каким там ученым! Кандидат технических наук. Недавно диссертацию защитил. И брат двоюродный, сын дяди Степана, офицер.

Мария Никаноровна с уважением посмотрела на племянника:

– Вот, «кандидат наук», «диссертация» – у нас и слов-то таких не знают.

– Не важно все это.

– Мать бы тоже гордилась тобой. Да она и гордилась... – Мария Никаноровна не договорила, заплакала: – Вот она какая жизнь, Коленька. Уходят близкие, Господь прибирает, а я...

– Бога нет, тетя Маша.

– Это для тебя нет, а для меня есть. Не надо говорить, чего не знаешь.

– Хорошо, не будем.

– Да ты, закусывай давай, не стесняйся.

Он съел все, что выставила Мария Никаноровна, колбасу не тронул – это для нее, потом попробует.

Налил еще. Мария Никаноровна покачала головой:

- А надо ли, Коля?
- Надо, тетя Маш, знаете, как мне плохо?
- Знаю, Коля, как не знать, сама переживаю.
- Ну, извините.
- Да что ты. За что извиняешься?

Маханов поднял стакан, посмотрел на содержимое, поставил на стол, спросил:

- Расписание автобусов не изменилось?
- Нет, Коля, автобус завтра в 9.00 от вокзала. Да автобус-то – одно слово, так, колымага.

Но люди ездят. А в районе тебя будет ждать Фомич.

- Дед Николай?
- Он. Приезжал давеча, сказал – завтра будет ждать с подводой.
- Подвода, – проговорил Маханов, – это так странно.
- Конечно, ты в Москве привык к метро да машинам. А у нас в деревне всего три машины,

люди на подводах ездят. И то, если колхоз лошадь даст.

– Да-да...

Он выпил. Марии Никаноровне пришлось провожать племянника до кровати.

Проснулся Маханов рано, на часах было 6.00. Голова раскалывалась, настроение поганое, но похмелье отвлекало его от горестных мыслей.

Он вдруг подумал, не хватился ли его капитан госбезопасности Ройман? Ведь телеграмму он получил вечером, когда приехал домой. До Роймана не дозвонился, видно, не особо спешил начальник к семье. Пришлось отпрашиваться у профессора. Гриневский сначала опешил, но потом сказал: «Поступай, как знаешь». Он не имел права отпускать подчиненного, а Маханов не имел права не поехать. И уехал. Но если бы его хватились, то уже на вокзале встретили бы сотрудники местного управления госбезопасности. Или даже раньше, еще в Киеве. Однако не встретили. Значит, поняли, что иначе поступить он не мог. И капитан госбезопасности Ройман, рьяный служака и непримиримый борец за идеалы коммунизма, оказывается, мог быть человеком. В любом случае, что сделано, то сделано.

Маханов принял прохладный душ, стало немного легче.

На кухне застал тетушку, та подала ему огуречного рассола:

- Выпей, Коль, полегчает. Видать, не привык ты пить.
- Да я и не пью, тетя Маш.

Он выпил половину банки. Легче стало на несколько минут. Но Маханов знал: скоро отпустит. Потянулся было за папиросами, но пачка оказалась пустой.

- Надо же, ведь полная вечером была.
- Так ты дымил, как паровоз, – улыбнулась Мария Никаноровна.
- Да? Извините.
- Да что ты все извиняешься? Чай, не чужие.
- Да, конечно. Автобус говорите...

– В девять, Коль, в девять. Отправляется по расписанию, а вот когда приедет в Олевск, не знает никто. Часто ломается. Но другого транспорта до района все равно нет. Эх, жаль, не смогу проститься с Иваном. Но ты уж там и от меня цветочки-то на могилку положи.

- Положу.
- Завтрак приготовить?
- Нет, не хочу. Чаю выпью.

– Я уже поставила чайник. А скажи, Коля, что в Москве насчет войны говорят? Будет или нет? У нас разные слухи ходят.

– Не знаю, тетя Маш. Но если Гитлер решится напасть, то, будьте уверены, наша доблестная Красная армия даст ему такой отпор, что немцы до Берлина бежать будут.

- Ой ли, Коля? Хотя, тебе лучше знать.
- Если честно, тетя Маш, то и в Москве разное говорят, но мне не до слухов – работа.
- А кем ты работаешь?

Маханов посмотрел на тетю:

- Я инженер, на заводе. Вот, жду повышения.
- Смотри, Коль, чем выше поднимаешься, тем больше падать будет. У нас вот с тридцать седьмого года сколько народу арестовали да отправили неизвестно куда вместе с семьями. И теперь их «врагами народа» называют. Неужели они все на самом деле враги, а, Коль?

Маханов поморщился:

- Тетя Маша, наши органы невиновных не сажают.
- Так ли?
- Так, тетя Маш. А как по-другому, когда весь мир ополчился против нас? Одного только и желают, чтобы рухнуло наше социалистическое государство. Может, и высокопарно говорю, но это так.

– Ну бог им судья. Только ты там в Москве поаккуратней.

– Тетя Маш...

– Все, прекратили. Сейчас чай принесу.

Попили чайку. Маханов стал собираться.

- Не рано ли, Коль, уходишь? Еще полтора часа до автобуса.
- Прогуляюсь по утреннему городу, да и папирос надо купить.
- Ну, дело хозяйское. Ты уж прости меня, старую, что не могу поехать...
- Да что вы, тетя Маш, – он выдал из себя улыбку, – чай, не чужие.
- Ну, пойдем, провожу.

С утра было прохладно. Но прохлада и нужна была Маханову. Он постепенно приходил в себя. Пройдя по Вокзальной, зашел в магазин, который уже открылся, купил папиросы, целых пять пачек. На улице с удовольствием закурил. Посмотрел по сторонам. Мелькнула какая-то тень в проулке. Он не обратил на это внимания, мало ли кто.

Город оживал, начинался новый трудовой день. Сегодня четверг, 19 июня. Народ уже на работе. Несмотря на то что город был областным, он больше напоминал крупный районный центр. С тех пор как граница отодвинулась на запад, здесь стало спокойней. Ушли пограничники, военных стало меньше, хотя гарнизон оставался приличным. В городе стоял штаб дивизии, вокруг – части соединения.

Многих сейчас интересовал вопрос: будет ли война? Судя по тому, как жил сейчас этот город, войны никто не ждал. На вокзале офицеры с семьями уезжали в отпуск. Разве отпустили бы их, если бы руководство знало о надвигающейся угрозе? Очевидно – нет, иначе все части были бы приведены в повышенную боевую готовность. Подтянули бы и другие соединения из глубины страны. Где, как не на границе встречать врага? Но ничего подобного не было.

Он пошел на привокзальную площадь.

Там, у продмага, в гордом одиночестве уже стоял непонятно какого цвета обшарпанный автобус «ЗиС-8». У открытой его двери топтался мужик, водитель этой, как выразилась тетя Маша, колымаги. А ведь точное сравнение!

Маханов подошел ближе:

- Здравствуйте.
- Будь здоров.
- Вы водитель?
- Ну да.
- В Олевск?
- Туда. Тебе в райцентр?
- Да.

– А чего так рано подошел? Или думаешь, места не хватит? Хватит, сейчас народу немного, в выходные запарка будет, а сейчас хорошо, если половина наберется, так что можешь еще погулять. Тут недалеко пивная есть. Уже открыта, кстати. Пивка попей. А к девяти подходи.

– Я не пью.

– Да? Не пьешь чего? Пиво?

– Ничего не пью.

Шофер рассмеялся:

– Ну, это ты кому другому заливай, от тебя же перегаром несет, как из винной бочки.

– Серьезно?

– А чего мне врать? Видать, вечером неплохо принял. Праздник, что ль, какой отмечал?

Вроде не было никакого праздника.

– Не праздник, не знаю, как вас зовут...

– Василием.

– Николай.

– Угу. Как говорится, очень приятно.

– Я, Василий, на похороны еду. Отец у меня умер.

Шофер сменил тон, сочувственно покачал головой:

– Вот оно как. Извиняй, соболезную. Это, конечно, дело святое – помянуть-то.

– Мы доедем до Олевска?

Шофер с удивлением поднял глаза:

– Не понял?

– Я спрашиваю, доедем ли до райцентра? Что-то автобус не внушает мне доверия.

– А чего автобус? С норовом – да, может сломаться, а я на что? Устраню поломку и дальше поедем. Доедем, не беспокойся.

– Мне желательно успеть до десяти часов.

– Должны успеть. Я, конечно, ничего не гарантирую, но мой «ЗиС» не так уж часто ломается, как говорят. Тебе кто сказал об этом?

– Не важно. Доедем – хорошо. А нет – без меня, думаю, хоронить не будут.

– Если знают, что приедешь, точно не будут. А тебе до райцентра или дальше?

– В Горбино.

– А... Это еще верст десять. Ну про деревню сказать не могу. Там с этим делом, я имею в виду похороны, строго. Народ хоть и сознательный, а старается придерживаться обычаев. Как священник отпоет, так и понесут на кладбище.

– Священник?

Шофер посмотрел на Маханова:

– Ты откуда приехал, Николай?

– Из Москвы.

– Ну, тогда понятно. Какие же похороны без священника? У нас здесь так. Это в столице, я слышал, покойников жечь начали. Или может слухи?

– Не знаю, не интересовался.

– Наверное, слухи. Как можно человека сжигать? Не православные мы, что ли?

– А ты верующий, Василий.

Шофер ответил уклончиво:

– Умеренно верующий.

– Это как?

– А так. – Шофер решил прервать разговор, кто знает, кто такой этот московский фронт. А вдруг из органов? Наговоришь лишнего, окажешься потом за решеткой. – Иди погуляй.

Пивка дерни. А лучше в столовке закуси, правда там сейчас только буфет открыт. А мне осмотр провести надо.

Поняв, что разговор окончен, Маханов прикурил папиросу и пошел к привокзальному переулку. Увидел пивную. Около окошка небольшая кучка мужиков. Похмеляются. Один из них выделялся приличным костюмом и выбритым лицом. Мужики озирались по сторонам, чтобы не проглядеть милицейский наряд. Милиция прицепится, не отпустят, можно запросто загреметь на общественно-полезные работы. Но, к счастью, наряда не было, и мужики попи-вали пиво, кряхтя и причмокивая. Дымили махоркой, ядовитый дым которой перебивал запах цветов.

Пива не хотелось, ничего не хотелось, кроме одного – быстрее попасть в деревню. Пройдя дальше по улице, по которой шустро бегали трамваи, Маханов постоял у витрины продмага, потом медленно направился обратно к вокзалу. И вновь ему показалось, что за ним кто-то следит. Обернулся – никого.

«Чертовщина какая-то, – подумал Маханов. – Кто может за мной следить в городе? Эх, Николай Иванович, пить меньше надо».

Он подошел к автобусу, когда возле него уже собралось человек десять. Все с сумками и баулами. Либо из райцентра приезжали затовариваться на городском рынке, либо городские везли в район гостинцы родне.

Шофер приветливо кивнул:

– Проходи, Николай батькович. Ты первым подошел, тебе первому и садиться.

– Чегой-то ему первому? – воскликнула молодая женщина с семечной шелухой на губе. –

У нас все равны.

– Равны-то равны, Клавка, да порядок есть порядок. И как тебе еще хвост не прищепили в райцентре? Мотаешься туда-сюда.

– А не твое это дело, Вася. Я свободная женщина.

– Гулящая ты.

– А ты что, за ноги меня держал?

Мужик рядом вступился:

– А ну, хорош собачиться. И что за времена настали – люди, как собаки, с цепи сорвались.

Угомонись, баба!

Клавка примолкла.

Маханов поднялся в автобус, сел во втором ряду у левого окна. За ним потянулся остальной народ. Клавка зашла последней. И чего, спрашивается, возмущалась? Интересно, где она работает, что может каждый день в город ездить? Хотя, его это не касается. Люди здесь живут совершенно другой жизнью, не то что в столице. Другая она, эта местная жизнь, и заботы у людей другие.

Наконец двери закрылись, и автобус, скрипя всем, что только может скрипеть, отъехал от вокзала.

Маханов не заметил, как его проводил взглядом мужчина в черном костюме. Тот, дождав-шись отъезда «ЗиСа», осмотрелся и медленно пошел к пивному ларьку. Там подошел к чело-веку в черном, что-то бросил ему на ходу и ушел к трамвайной остановке.

Мужчина высыпал пышной продавщице восемьдесят копеек, взял кружку пива и встал за одним из столиков. Только сделал пару глотков, как неожиданно раздался предупреждающий возглас:

– Легавые!

И куда только делся народ, что минуту назад толпился у столиков. Даже кружки не оста-вили – прихватили с собой.

Наряд милиции подошел к мужчине в черном костюме, тот спокойно продолжал пить пиво.

– Пиво пьем, гражданин? – спросил сержант.

Мужчина изобразил удивление:

– А ничего больше в этом ларьке не предлагают.

– Шутник, да?

– Ну почему же? Я не шучу.

Сержант рявкнул:

– Документы!

– А может, вы представитесь сначала?

Милиционеры переглянулись. Мужчина вел себя чересчур уверенно, у служителей правопорядка уверенности поубавилось.

– Предъявите документы, гражданин.

Мужчина усмехнулся, достал паспорт:

– Пожалуйста.

Сержант начал листать:

– Гражданин Ковалев Геннадий Алексеевич?

– Там все написано.

– И что же, гражданин Ковалев, вы делаете здесь в рабочее время?

– Странный вы, сержант, видите же – пью пиво.

– В рабочее время.

– У меня сегодня отгул.

– И где мы работаем?

– На Агрегатном заводе, заместитель главного инженера.

– Вот как? – недоверчиво, но уже без прежней напористости сказал сержант, – интересно, заместитель главного инженера и – вдруг здесь?

Мужчина улыбнулся:

– А разве я не такой же советский человек, как другие? Или я должен посещать исключительно рестораны?

– Значит, выходной?

– Кстати, сержант, вы не представились, – напомнил мужчина.

– Сержант Волков. Мой помощник, рядовой Рябинин.

– Это другое дело. Да у меня сегодня выходной, первый за этот месяц. Вас что-то смущает? Если так, мы можем пройти в отделение, вы позвоните на завод директору или главному инженеру и все проверите. Но тогда, товарищи милиционеры, мне придется поговорить с вашим начальством. Вы прекрасно видели, что здесь распивают пиво с утра с десяток человек, явно ведущие антисоциальный образ жизни. И при этом вы позволили им уйти. А в этой среде всяких много. Однако вы не соизволили принять меры для их задержания. Думаю, начальству будет интересно узнать, почему вы, сержант Волков, подобным образом исполняете свои служебные обязанности.

Он допил пиво, взглянул на смутившегося сержанта:

– Я готов, ведите меня в отделение.

Милиционер протянул ему паспорт:

– Извините, товарищ Ковалев, обойдемся без отделения. Но чтобы вы не думали, что мы с рядовым халатно относимся к исполнению служебных обязанностей, скажу: мы знаем всех, кто находился здесь. И с них спрос – впереди.

– Тогда считаю инцидент исчерпанным.

Сержант и рядовой козырнули, поспешили убраться.

Мужчина тихо выругался. Если бы кто-то находился рядом, то сильно бы удивился незнакомому языку внешне обычного советского гражданина.

После того как наряд скрылся в районе привокзальной площади, к столику подошел опрятного вида армейский майор в до блеска начищенных сапогах и отглаженной форме:

– Здравствуй, Генрих.

– Приветствую, Алекс.

– Что хотел от тебя наряд милиции?

– Сержанту не понравилось, что я пью пиво в рабочее время.

– Кстати, мог бы обойтись и без этого.

– Так естественней.

– Стоило ли рисковать?

– А в чем риск, Алекс? Подобные проверки в городе на каждом шагу. А я – честный советский служащий.

– Кем ты представился?

– Заместителем главного инженера.

– В следующий раз, пожалуйста, избегай таких встреч. Милиционеры наверняка проверят твои данные.

– А я думаю, нет. Но если и проверят, все подтвердится.

– И зачем это?

– Гут, Алекс, я понял тебя.

Майор прикурил папиросу:

– Что по нашему клиенту?

– Он всю ночь провел у своей тетки. С восьми часов проходил мимо ларька. Дирк остался на площади, клиент дошел до продмага, пошел обратно. В 9.05 Дирк доложил, что клиент уехал на рейсовом автобусе до Олевска.

Майор покачал головой:

– Хорошо. Дирку – отдыхать, тебе с Альбиной быть готовыми выехать за реку в лес для передачи информации в Центр. Я подъеду часов в одиннадцать. Сообщим полковнику о приезде Маханова в город и его убийти в деревню.

– Надеюсь, он оценит нашу работу по отцу клиента.

– Оценит, Генрих, не сомневайся. Но только после того, как мы завершим операцию.

– Пусть так! Значит, все, как обычно?

– Да.

– Тебе не кажется, Алекс, что русские ведут себя неоправданно беспечно? Город полон слухов о скорой войне, а ни гражданское, ни военное начальство ничего не предпринимает?

Майор аккуратно затушил окуроч в жестяной банке, заменявшей в пивной пепельницу, брезгливо отодвинул руку:

– В Москве до сих пор надеются, что удастся избежать войны, по крайней мере этим летом. Все, нечего тут светиться, расходимся.

Майор повернулся и пошел к комендатуре. Мужчина выпил еще кружку пива и направился к ЦПКиО.

В 11.20 армейский пятиместный четырехдверный автомобиль типа фаэтон «ГАЗ-А» остановился возле хлебного магазина. Майор посигналил и зашел внутрь помещения. Когда вышел, в открытом кузове уже сидели Генрих и миловидная женщина лет двадцати шести в простой одежде. Майор бросил им на заднее сиденье купленный хлеб, кивнул женщине, сел за руль и развернул автомобиль.

Из города они выехали без происшествий, проехали по мосту через реку и двинулись по дороге. В лесу свернули на грунтовку и в 12.10 остановились на небольшой поляне рядом с дорогой.

Майор обернулся к пассажирам:

- Посмотри вокруг, Генрих.
- Слушаюсь, герр майор.
- И без кривляний.
- Да, герр майор.

Мужчина обошел местность в радиусе пятидесяти метров.

- Все в порядке, Алекс.

Майор приказал женщине:

– Альбина, возьмите передатчик и выходите. Начало сеанса ровно в 13.00, готовьте аппаратуру.

- Да, Алекс.

Женщина с чемоданчиком ушла в глубь леса.

Когда они остались вдвоем, Генрих спросил майора:

- Что в комендатуре?
- Разве это тебя касается?
- Нет, но...
- Никаких «но», Генрих! Обеспечь контроль за местностью.
- Да нет здесь никого.
- Ты плохо понял?
- О, майн гот, быстрее бы все закончилось.
- Не торопись. Чем грозит спешка в нашем деле, ты сам прекрасно знаешь. Я к Альбине.
- Да, Алекс.

Майор пошел вслед за женщиной. Она уже приготовила аппаратуру, вывесила антенну, устроилась на поваленном дереве.

- Я готова, Алекс.

Он посмотрел на часы, передал ей записку:

- Шифр обычный. Начинай.

Застучал ключ. Женщина быстро передала сообщение и вернула записку майору. Он тут же ее сжег.

- Ждем ответа.

Женщина приготовила блокнот, карандаш и стала ждать, прислушиваясь к шуму в наушниках. Через полчаса она встрепенулась и начала делать записи. Сеанс связи закончился.

- Что, Альбина? – спросил майор.
- Минуту, Алекс.

Женщина написала на чистой странице текст, выдернула ее из блокнота и передала майору. Тот прочитал, задумчиво переступил с ноги на ногу:

- Понятно! Сворачивайся.
- Да, Алекс.

Майор вышел к машине, еще раз внимательно прочитал текст, после чего сжег и эту записку.

- Что там Центр, Алекс? – спросил напарник.
- Задание остается прежним. Уточнение после захвата. Помогите Альбине.

Они выехали из леса в 13.30 и в 14.00 проехали мост. Майор остановил машину у кинотеатра:

- Отсюда пойдете пешком.

Генрих удивился:

- Что со станцией?
- Станция останется у меня. Так надежнее. Следующий сеанс связи – 22 июня, в воскресенье. Я подъеду. А сейчас мне надо заняться служебными вопросами.

Напарник усмехнулся:

– Чего ими заниматься, Алекс? В воскресенье здесь никого не останется.

– Знаешь, Генрих, – майор обернулся, – у русских есть хорошая пословица – не надо делить шкуру неубитого медведя.

– Ты это о чем, Алекс? Неужели ты думаешь, что Красная армия в состоянии оказать серьезное сопротивление непобедимой армии вермахта? Русские даже здесь, на западе, ведут себя так, словно наши войска вышли к границе на ученья.

– Никогда, Генрих, не надо недооценивать противника. Русские – особый народ. Да, они живут впроголодь, работают, как рабы, на заводах и фабриках, я уже не говорю о колхозах. Они одеты не как европейцы, хорошо если у мужчины есть один выходной костюм, а у женщины платье. Их давят репрессиями, подвергают моральному унижению. Но зато у русских есть одна, с моей точки зрения, совершенно замечательная особенность. Они каким-то невообразимым образом умеют перестраиваться и мобилизовываться. Неужели, проработав в России почти пять лет, ты этого еще не заметил?

Генрих пожал плечами:

– Русские – низшая раса, так же как украинцы, белорусы и все народы, входящие в Советский Союз. Этого для меня достаточно. Приходится общаться с ними на равных. Но знал бы ты, с каким усилием это мне дается! А евреи? В одном только этом городе их десятки тысяч. Когда я вижу еврея, моя рука машинально тянется к пистолету. До того ли, чтобы оценивать их?

– Напрасно, Генрих. С евреями вопрос будет решен кардинально и быстро, как, впрочем, и с большевиками, но со всеми остальными нам придется работать и в условиях оккупации. Конечно, не нам лично, а другим нашим соотечественникам. Вот только удастся ли блицкриг? Здесь у меня большие сомнения. Русские даже без патронов, с одним только штыком будут драться отчаянно. Когда их стране угрожает опасность, они забывают и про репрессии, и про причиненные им обиды. Они удивительным образом умеют разделять власть и Родину. Я вообще считаю, что нападение на Советский Союз – это авантюра Гитлера. Здесь предсказать что-либо просто невозможно. Но – довольно слов! Выходите. 22-го числа я у вас.

– Что, прямо к нам в барак придешь?

– Почему бы нет?

Генрих пожал плечами:

– Ты руководитель группы, тебе решать.

– Совершенно верно. До встречи, Генрих, до встречи, Альбина. Надеюсь, до воскресенья вас не арестуют.

Он рассмеялся. От этого смеха у женщины по спине пробежал холодок.

Высадив пассажиров, майор Агеев вывел машину на окраину города, туда, где дислоцировались части советской дивизии. Его пропустили на КПП полка без проверки. Оставив автомобиль у штаба, Агеев уверенным шагом вошел в здание управления. У него на руках было предписание оперативного отдела округа на проверку боевой готовности частей и подразделений соединения.

Глава вторая

Автобус трясся по разбитой, давно не отремонтированной дороге. Тут был асфальт, и старый «ЗиС», с грохотом и лязгом преодолевая препятствия, с трудом, но выдерживал скорость сорок километров в час.

Маханов не обращал внимания на трудности пути. Он думал совершенно о другом. Он желал и одновременно боялся приезда в деревню. Боялся увидеть отца в гробу, боялся услышать причитания деревенских баб, боялся ощутить на себе сочувствующие и в то же время заинтересованные взгляды односельчан. Ему не хотелось хоронить отца, как бы по-детски это ни звучало. Не хотелось речей, слез, аханий. Маханов много бы дал за то, чтобы отец был жив. Но жизнь такая штука – всем когда-то приходит срок умирать. Умрет и он, вопрос: скоро ли?

В настоящее время на этот вопрос вряд ли кто-то мог дать определенный ответ, невзирая на возраст. Волна репрессий, захлестнувших страну, ставила под удар любого ее гражданина, будь то колхозник или инженер, министр или высокопоставленный военный чин.

Надо признать, что с приходом в НКВД Берии ситуация изменилась в лучшую сторону. Аресты и посадки сократились, по мелочам не брали. К доносам стали относиться с подозрением, не то что раньше – написал бумагу, глядишь, ночью «воронок» уже увозил оболганного соседа. Арестованный тут же давал показания на того, кто сдал его, и арестовывали уже доносчика. А потом обоих отправляли в лагерь. Доходило до абсурда, но так оно и было. Хорошо, что «было». Надолго ли? Лаврентий Павлович многих освободил, опять-таки из среды тех же чиновников, специалистов и военных. Но не он руководил страной, хотя и начинал занимать в Кремле все более прочные позиции.

Вот и бюро, где работал Маханов, курировал один из людей Берии, майор госбезопасности Платов, интеллигентный, умный человек. И в то же время – требовательный. Было понятно, что кураторство над центром не являлось обязанностью заместителя начальника первого управления (разведки) НКВД СССР, но внимание работе центра он оказывал повышенное.

Мысли металась в голове, бились в черепной коробке. Разболелась голова, хотя это могло быть и от выпитой водки. Никогда прежде Маханов столько не пил. Да еще эта тряска, как в лихорадке, на так называемой дороге. Хорошо еще, хоть ехали...

Видно он сглазил. А может, это сделал кто-то другой. Сразу же за мостом через речушку, название которой Николай Маханов не помнил – то ли Решка, то ли Орешка, автобус как-то странно дернулся, выстрелила выхлопная труба, и «ЗиС» встал посреди изрытой ямами дороги.

– Ну, вот, – воскликнула Клавдия, – этого нам только не хватало! Что, Вася, отъездился твой шарaban?

– Замолчи! – огрызнулся шофер и обернулся в салон: – Товарищи, терпение! Можете выйти прогуляться, погода хорошая, птички поют, я быстро все налажу. А ты, Клавка, даже не подходи ко мне, если не хочешь отвесть гаечного ключа.

– Да нужен ты мне, – скривилась баба.

Она уже заприметила Маханова и, когда Николай вышел из автобуса, подошла к нему:

– Сразу видно человека интеллигентного. Не то что наши охламоны.

Маханов удивленно посмотрел на спутницу:

– Клавдия, по-моему?

– Да можно просто Клава, я из Олевска.

– Это я уже понял. Николай.

– Очень приятно, Николай. Вы в отпуск?

– Что-то вроде того. Как вы назвали ваших мужчин?

– Ой, не смешите! Тоже мне, нашли мужчин. Мужики они и есть мужики. Охламоны. Плебеи.

– И что это означает?

– А то, что народец никудышный. Нет, есть, конечно, приличные: учителя там, инженеры или врачи, но – больше плебеев.

Маханов улыбнулся:

– Плебей, Клава, это в Древнем Риме человек из низшего общества. Это не раб, это свободный человек, только не пользовавшийся ни политическими, ни гражданскими правами. А ваши мужики имеют все права.

Она с нескрываемым уважением посмотрела на Маханова:

– Вы ученый?

– Инженер.

– Но вы не из райцентра. В Олевске я всех знаю, и меня знают, только не подумайте ничего такого...

– И не думал.

– Тогда вы из города?

– Из Москвы.

– Вот как? Очень интересно. Я была там один раз. Огромный город! А вы женаты?

Маханов улыбнулся, увидев в глазах не сильно отягощенной моральными нормами женщины озорной огонек:

– Это имеет значение?

Она обиженно смощилась:

– Никакого. А, извините, в Олевск вы по какой надобности? Если в командировку, то у нас есть гостиница, есть и дом колхозника, да только все это – клоповники, да и мест там никогда нету. А если и бывают, то от одних портянок задохнуться можно. То ли дело у меня – свой дом! Могли бы договориться.

Она выжидающе, с надеждой смотрела на Маханова.

– Я не командировочный, Клава, и в Олевске задерживаться не намерен.

Она разочарованно вздохнула:

– Ну вот всегда так, только встретишь настоящего мужчину и – облом.

– Вы о чем?

– Да так, о своем. Значит, не в Олевск, а куда?

– Вы очень любопытны.

– Я такая.

– На похороны еду, Клава. В Горбино отец у меня умер.

– Ой, извините, соболезную.

– Спасибо.

– Но адресок-то на всякий случай запомните?

– Зачем?

– Да мало ли, пригодится.

– Хорошо, давайте адресок.

– Он простой. Прибрежная, 12, от автобусной станции пять минут ходьбы, сразу за клубом вдоль Терева идет моя улица. А там подскажут, меня все знают.

– Не сомневаюсь.

– Не в том смысле.

– Да я понял.

– Заезжайте, буду рада.

– Как получится.

– Может, пройдемся по лесу, пока Васька свой автобус чинит?

Маханов посмотрел на сидящих на обочине пассажиров, перевел взгляд на Клавку:

– Думаете, затянется ремонт?

– А кто его знает? У Васи каждый раз по-разному: когда за десять минут управится, а когда до вечера провозится. Но он – мужик упертый, обязательно сделает. Пешком идти не придется. Хотя... я бы с вами и пешком пошла.

– Далеко.

– Это одной далеко, а вдвоем – близко.

Маханов прекрасно понимал, на что она намекает, но перебивать не стал, хоть какое-то отвлечение от тяжелых мыслей.

– Пойдемте.

На этот раз ремонт затянулся на три часа.

Пока Маханов гулял с Клавкой под насмешливые взгляды пассажиров, женщина не раз намекала, что не против познакомиться с ним поближе прямо в лесу. Маханов делал вид, что не замечает этого. Он все больше беспокоился, потому что уже здорово опаздывал. Он все еще надеялся, что без него отца не похоронят. Хотя в глубине души и желал этого – не хотелось видеть его мертвым.

В 12.40, Маханов заметил по часам, водитель Василий или Иваныч, всяк называл ему по-своему, закрыл капот, вытер ветошью руки, залез в кабину и завел двигатель. Тот заработал без перебоев и выстрелов из выхлопной трубы.

– Товарищи, прошу в салон! Извините за простой, по техническим причинам – бывает. Едем!

Народ забрался в салон. Клавдия уселась рядом с Махановым.

Шофер повернулся, подмигнул Николаю Ивановичу. Потом, видно, вспомнил, куда тот едет, смутился, закашлялся, закрыл двери.

Автобус побежал дальше. Опаздывал он больше чем на три часа. Маханов подумал, что, может статься, он воспользуется услугами Клавдии, если его не дождетя Фомич с подводой. Она найдет ему попутный транспорт. Вот только какую плату за это затребует?

«ЗиС» въехал в райцентр в 13.10. Пассажиры то тут, то там, по дороге, стали просить остановиться. В другой раз Василий, может, и проигнорировал бы эти просьбы, но сегодня он чувствовал себя виноватым и потому вставал у каждого столба.

Маханов нервничал, Клавка смотрела на него, лелея тайные надежды. Впрочем, какие там тайные – ее единственное желание было написано у нее на лице.

Наконец автобус приехал на станцию. Это была давно заколоченная будка, в которой когда-то сидел билетер, была касса, но тогда и ходили несколько автобусов. Сейчас же здесь останавливался только «ЗиС» Василия.

Клавдия вышла вместе с Махановым.

– Вас должны встретить? – спросила она.

– Должны, но могут и не встретить, а мне надо в Горбино.

– Ничего, мы найдем, как доехать. Пообедаем у меня, столовая у нас не для москвичей, зато цены – похлеще городских.

Но Маханова встречали. Он не сразу заметил подводку, зато увидел Николая Фомича Дубко, которого чаще звали «дед Фомич», потому что он разменял уже восьмой десяток.

Дед был заметно навеселе:

– Ну здравствуй, тезка!

– Здравствуй, Николай Фомич.

– Задержался ты что-то.

– Так вышло. Автобус сломался.

– Ну, этим тут не удивишь. Вот только на похороны-то ты не успел. Отпевали в полдень, потом сразу на кладбище, вот так-то. Выпьешь?

Он достал из кармана мятых штанов поллитровку мутного самогона. Один вид спиртного вызвал у Маханова отвращение:

– Нет, дед Фомич, не хочу.

– Ну, дело хозяйское, а я приму. – Он откупорил бутылку и отхлебнул прямо из горла.

Пока дед довольно крякал и занюхивал куском черного хлеба, Маханов повернулся к Клавке:

– Вот меня и встретили.

– Да вижу. – Весь ее вид говорил: «Принесло же тебя, старый хрыч, и чего ты не свалил в свою деревню?» – Вижу, Николай Иванович. Что ж, адресок есть, может, на обратном пути заглянете? Двери моей хаты для вас всегда открыты. До свиданьяца.

И, отчаянно виляя бедрами, она направилась в сторону клуба.

Николай Фомич проводил ее внимательным взглядом:

– Кто такая?

– Попутчица.

– Глядела на меня, словно я у нее корову увел. Гулящая – сразу видать.

– Она просто попутчица. Вместе из города ехали.

– Знаю я этих попутчиц. Хищницы! Охочие больно до мужиков. Ладно, поехали, что ли, а то и на поминки не успеем.

– Ну на поминки-то успеем в любом случае.

Дед утвердительно кивнул головой:

– Твоя правда. У нас ведь как – только начать, а потом уж никто и не помнит, за что пьют.

То ли за упокой, то ли за здравие.

– Едем, Николай Фомич, где подвода-то?

– Тут, за углом.

– Не боишься оставлять?

– Не-е, чего ей будет: лошадь старая, телега – того и гляди развалится, только сено свежее.

– Доедем?

– У меня не автобус. Лошадь и на одной оси дотянет.

Они прошли за угол. Лошадь мирно щипала траву, в телеге было расстелено сено, поверх него брошен брезент.

– Садись, Николай Иванович, поедем до дому, до хаты. Давненько ты на деревне не был.

Да и не мудрено – большой человек стал в Москве!

– Семен Коробов в деревне? – спросил Маханов.

– Дружок-то твой? Тама. Где ж ему быть? Шоферит – председателя возит. Нынче на ремонте, а то бы он за тобой приехал. Вторая машина под доярками, ту брать нельзя. Ну, устроился?

– Да, – ответил Маханов, растянувшись на брезенте, из-под которого шибал в нос приятный, бодрящий запах свежескошенной травы.

– Ну, с богом.

Дед залез на передок, тронул вожжи. Лошадь, не спеша, пошла по улице, выходящей прямо к дороге на деревню Горбино.

Вскоре стали попадаться знакомые места. Низовье реки Уборы – не напрасно территория, в которую входит область, называется Украинским Полесьем. Река средняя, шириной от тридцати до пятидесяти метров, полноводная. Эти места всегда отличались богатой рыбалкой. На удочку без всяких неводов, сетей и вершей, можно было взять двухкилограммовых лещей, сазанов да язей. Водились тут и хищники: щука, судак, окунь.

– Хорошие места, – проговорил Николай Иванович.

– Чегой-то? – обернулся дед Фомич.

– Места, говорю, у нас хорошие.

– А... Это да-а.
– Сейчас тут рыбу-то ловят?
– Твой друг Семен Коробов, бывает, приезжает. Пехом-то далековато, да и нужды особой нет, рыбы в реке и у деревни полно.

Дальше пошел лес.

– Дед Фомич, – позвал Маханов.

– Айя?

– Охотничий домик цел?

– А куда ж он денется, цел! Туда мужики наведываются, когда на кабана или лося ходят.

– Расскажи, как умер отец.

Николай Фомич выдохнул:

– Не могу сказать – умер и умер. Вроде ни на что не жаловался. Дня за два до смерти я его видел: копался на огороде, потом городьбу красил – председатель тогда краску выдал. Где-то Рылов, агент по снабжению, на излишки сена выменял. Вонючая зараза. Но все лучше, чем никакая.

– Рылов значит все по снабжению?

– Да.

– Отец писал, сына его вроде репрессировали.

– Так это давно. В тридцать восьмом. Он у него тоже в снабжении работал на базе овощной. На воровстве и попался. Так что тут заслуженное наказание. И поделом. Нечего руки свои загребущие в добро общее запускать. Да у них весь род такой. Что дед Ефим в царское еще время за конокрадство сидел, что сам Мирон под следствием был, опять-таки по делу воровскому. Этот вывернулся. А сыночек загремел. Жену его с сыном жалко. Тоже сослали, непонятно только за что. Правда, был слух, вроде как оправдали, но так это или нет, не знаю. И никто не знает. Скоро сгинули они. Да и чего им, бедолагам, тут делать? Подались, наверное, в ту же Москву или в Киев. А Степка сидит. Мирон сам по себе хмурой всегда был, а сейчас и подавно. За версту видно, что озлобился на новую власть. Да ну его к черту, прости господи. – Дед трижды перекрестился.

Как ни билась советская власть с религией, искоренить ее в деревнях и селах не получалось. Впрочем, и в городе тоже. Только там привязанность к вере скрывалась. А в душу не залезешь.

Выехали к большому оврагу. Это уже в версте от деревни. Сюда пацанами зимой ходили, в глубине родник незамерзающий был. Оттуда воду ведрами брали, поливали склон, делали горки, на фанере или картонке, что от сельмага умыкали, катались. Склоны здесь высокие. А в начале оврага, когда теплые дни выдавались, катали снежные шары, из них крепости строили. Потом одни вставали гарнизоном, другие нападали. Потом менялись. Забав в детстве хватало. Как давно и в то же время совсем недавно это было! И мама была жива, и отец, и многие другие. Деревня была большой. Она и сейчас большая, но уже не та.

– А пацанва, Фомич, тут зимой балуется?

– Балуется. Не так весело, правда, как раньше. Да оно, Коля, ныне все не так, как было.

– Значит, не знаете, как умер отец?

– Нет, Коль. Я опосля того, как видел его в огороде, уезжал в район по заданию председателя колхоза, товарища Тетерина. А когда вернулся, так и узнал: утром Ивана Ивановича мертвым нашли.

– Нашли? Как это? – заинтересовался Маханов.

– А Рылов поутру шел в контору, его хата на нашем конце, вдруг видит: дверь приоткрыта. Почуял неладное, зашел, а Иван Иванович у печи на полу лежит. Видать, плохо ему стало, хотел выйти, людей позвать. Так ли, нет ли было на самом деле никто не знает. Правда,

Тетерин вызвал участкового из района. Тот приехал, осмотрел все, протокол составил и сказал: хороните, мол, своей смертью старик помер. Такие вот дела, Коля.

– Значит, это Рылов обнаружил отца?

– Он. А чего это ты как участковый Поленко заговорил? Тот тоже все казенными словами раскидывается – прибыл, убыл, обнаружил. Но тому по должности положено.

– Да так, сорвалось.

Они въехали в деревню. Ее прорезала центральная улица, на одной стороне которой располагался сельсовет и правление колхоза «Звезда», рядом с правлением – сельмаг и небольшой клуб, похожий на барак. Здесь проводились общие собрания, устраивались танцы для молодежи, показывали кинофильмы.

Параллельно главной улице, проходили еще две. Огороды правой улицы выходили к реке, ее называли Речной. Левую называли Выселками, она была ближе к полям и лесу. С запада и севера тоже виднелся лес. За северной околицей простирались луга, там же было и кладбище.

Улицы соединялись между собой многочисленными прогонами. На берегу реки виднелись лодки. На лугах паслось колхозное стадо. Люди в это время работали в поле, но сегодня был день не обычный, сегодня хоронили Маханова Ивана Ивановича, уважаемого в Горбино человека, первого председателя колхоза, его основателя, участника Первой мировой и Гражданской войн, орденоносца. Это было заметно сразу на въезде.

Дом Махановых, пятистенок с железной крышей и пристроенным сараем, стоял на Речной улице. Второй с северной околицы. Рядом жили дед Фомич и снабженец Рылов – мутный, мрачный тип. Дальше стоял дом друга детства Николая, Семена Коробова. Судя по тому, что возле открытых ворот двора Махановых толпился народ, похороны уже закончились, народ собирался помянуть усопшего.

Подъехали прямо к дому.

Николай Иванович спрыгнул с телеги и поспешил навстречу собравшимся. Сельчане стали выражать ему соболезнования, что-то говорили. Он не слушал, но из уважения кивал, благодарил. Завидел друга детства, направился было к нему, но тут появился дядя, Маханов Степан Иванович, второй год как пенсионер.

– Здравствуй, Коля!

– Здравствуй, дядь Степ.

– Не успел ты к похоронам.

– Не успел, автобус по пути сломался.

– Известная история. Никак не найдут в районе денег купить пару новых автобусов. Вот и ездит колымага туда-сюда, скоро и вовсе сообщения не будет. Ты как?

– Плохо, дядь Степ.

Степан Иванович вздохнул:

– Да хорошего мало. Но похоронили батьку твоего, моего брата, достойно. Почитай все, кто от работ срочных свободен был, пришел. Отпели как положено. Похоронили рядом с матерью. Сейчас вон столы собрали по хатам, бабы парево-варево приготовили, будем поминать. Казенную водку, что в сельмаге была, всю скупили, если мало будет – самогон выставим.

– Я возьму вам расходы.

– Да брось ты, в складчину деревней собрали, сколько смогли, хватило с избытком. Никто не отказался. Ты, поди, устал с дороги?

– Не до того.

– Проходи в дом, там Анфиса и Галина.

Это были тетя и двоюродная сестра Николая Ивановича.

– А Миша как?

– Капитана получил, на Дальний Восток перевели командиром батареи.

– Далеко этот Дальний Восток.

– Все лучше, чем на Западе. Немец, того и гляди, на нас двинет. А что в Москве на этот счет думают?

– Не знаю, я на режимном объекте работаю. В городе наездами бываю.

– Женился?

– Женился. Ну, я пойду, дядя Степа.

– Давай, Коль, мы тут управимся. Помянем Ивана, как положено.

– А я пиджак и чемодан оставлю, с родней поздороваюсь и – на кладбище. Да, я тут продукты кое-какие привез: колбасу, консервы, тете Анфисе передам.

– А кто ж тебя проводит?

– Да вот Семен.

Подошел друг детства, Коробов.

– Здоров будь, Никола.

– И тебе не хворать, Сеня.

Друзья обнялись.

– Эх, не вовремя сломалась моя «ласточка», я бы в городе тебя встретил. Вторую машину взять нельзя было – под доярками она. Коровы терпеть не будут.

– Да, жаль, что опоздал. А может, это и к лучшему: отца мертвого не видел, останется в памяти живой.

– Вообще-то ты прав. Так лучше. Тут крика бабьего да причитаний было – хоть уши затыкай. И без того тошно.

– Ты проводишь меня до могилы?

– Конечно, провожу.

– Тогда подожди, я в дом схожу.

– Давай, я тут пока подожду. Водка-то у тебя есть?

– Есть бутылка, в городе останавливался у Марии Никаноровны, так она положила в чемодан.

– С собой возьми и стаканы из дому прихвати, выпьем с Иваном Ивановичем.

– Ладно.

Маханов зашел во двор, поднялся в дом. Обошел сени, вошел в большую комнату, от которой отходили две маленькие спальни. В углу – русская печь, за ней – закрытая цветной занавеской лежанка, там любил после трудов праведных отдыхать отец, деревянный стол, стулья, табуреты, в красном углу икона с зажженной лампадкой, диван. Вся мебель сделана отцом.

Окна закрыты, на столе – старая фотография отца с матерью, перевязанная черной лентой.

Из кухни вышли родственницы.

– Коленька! Приехал?

– Приехал, тетя Анфиса, да вот опоздал.

– Что ж поделать, чай не из соседнего села, а из самой Москвы ехал.

С Анфисой вместе вышла девушка. Николай Иванович удивился:

– Галина?

– Я.

– Смотри-ка как подросла – прямо невеста!

Анфиса Петровна возразила:

– Рано еще невеститься, шестнадцать годов всего.

– Взрослая... Два года назад еще девчонкой была, с косичками бегала, а сейчас – девушка.

И красивая – вся в тебя, тетя Анфиса.

Галина засмушалась, ушла обратно на кухню.

Маханов достал из чемодана две палки копченой колбасы, консервы, тушенку – все, что получил по спецпайку.

– На общий стол.

– Вот еще! Обойдутся, чем есть. И так наготовили всего, а деликатесы оставь, пригодятся.

– Ну, ваше дело. Я пошел на кладбище.

– Один?

– С Семеном.

– А... С дружкой своим. Ох он и кручинился, что не может встретить тебя. Метался по деревне, председателю покоя не давал, все запчасти просил. А их нету, запчастей этих. Тетерин уже третий день, как в Олевск мотается. С утра тут был, попрощался с Иваном и уехал.

– Мы его с Фомичом по дороге не видели.

– Так он через Бодрое поехал. Тамошний председатель вроде как обещал подсобить с запчастями.

– Понятно. Орден-то отца сохранили?

– А то как же, у Степана он. Взял, чтобы не пропал ненароком.

Маханов снял пиджак, повесил на спинку стула, достал из него пачку «Казбека», спички, документы.

– Пошел я, тетя Анфис, скоро приду.

– Да не спеши, Коль, успеешь, уж на поминки-то не опоздаешь, знаешь, как у нас бывает – до позднего вечера поминают.

– Знаю.

Он забрал бутылку водки, папиросы и стаканы, уложил все в холщовую сумку и вышел на улицу. Там увидел Рылова. Тот, как всегда мрачный, шел к дому.

– Приветствую, Николай Иванович.

– Здравствуй, дядя Мирон. Вы к двору идите, там все собираются.

– Да знаю я. Ты держись, Коль, все мы смертны.

И пошел дальше.

Маханов окликнул друга:

– Сеня!

Тот отделился от толпы мужиков:

– А я там тебя ждал.

– Пойдем. Как лучше пройти, чтобы людей меньше было?

– Э-э, Никола, в деревне такого места не найдешь.

– Ну, ладно.

Они пошли улицей. Встречались сельчане, здоровались, выражали соболезнования, оглядывали Николая, оценивали костюм, сорочку, туфли. Такое здесь не купишь, да и в районе тоже.

Обошли центральную улицу, вышли к кладбищу. Оно встретило друзей холодом и мрачностью. Среди высоких деревьев сгрудились могилы с крестами – с оградками и без. Маханов знал, где могила матери, но сразу не нашел. Друг подсказал. Деревня хоть и небольшая, но хоронили часто. И старых, и молодых, почивших от возраста и утонувших, и придавленных болезнями.

Они подошли к свежему холму. Крест, венки от колхоза, цветы – больше полевые.

– Ну, здравствуйте, дорогие мои, – дрогнувшим голосом сказал Николай. – Извини, батя, что не успел проститься. Не по своей вине.

Он стоял и смотрел на этот холмик. Нахлынули воспоминания. Вот он с отцом на рыбалке, первый раз в ночь, чтобы захватить утреннюю зарю. Вот мама играет с ним во дворе. Он строит дома из песка, они рассыпаются, а он, сопя, вновь возводит их...

От невеселых дум его оторвал друг:

– Коль! Давай помянем отца твоего и мать. Достойные были люди, доброй души.

– Вот именно, Сеня, что были. Какое это страшное слово.

- Все там в принципе будем, кто раньше, кто позже. Разливай.
Выпили, закурили. Семен затянулся папиросой, но тут же затушил, скрутил козью ножку:
- Оно привычной, Коль, папиросы не для меня.
– А скажи, Сеня, как умер отец?
Коробов осмотрелся – вокруг никого.
– Ты чего озираешься, Сень?
– А то. Странная это смерть.
– Что ты хочешь этим сказать?
– Накануне вечером, это значит, в понедельник, я сам видел, как Иван Иванович забор красить собирался. Подошел, поздоровался, спросил про тебя. Пригласил зайти. Посидели на крыльце, поговорили. Он был здоровый, Никола, ни на что не жаловался. Сожалел, что ты никак не выберешь время приехать, соскучился. И даже самогону принес чекушку, по сто граммов выпили, грибочками прошлогодними закусили. Как стемнело, у него еще свет в комнате горел. А наутро – на тебе! Рылов народ поднял – Иван Иванович помер. Я, понятное дело, к дому, а там отец твой лежит. И поза какая-то... неестественная. Но крови, пригляделся, не было. И все одно, думаю, Никола, извини, конечно, помогли Ивану Ивановичу помереть.
- Кто?! – воскликнул ошарашенный Николай.
– А вот это загадка. Отец твой ни с кем не вздорил, не ругался, все к нему с уважением. Председатель всегда лошадь давал огород вспахать. Не было врагов у твоего отца, Никола. И – все равно...
- Что «все равно»? Убили, думаешь?
– Не знаю, что и сказать. Ну, не должен он был помереть той ночью.
– Но ведь, Фомич говорил, участкового вызывали.
– Э-э, Никола, а что участковый? Приехал, посмотрел, протокол написал, объявил, своей, мол, смертью помер, хороните. И уехал. Морга у нас тут нету, в район не возили, сразу взялись за подготовку похорон. Тут уже руководил дядька твой, Степан Иванович.
– Ты накануне детективы не читал?
– Чего? Книжки в смысле? Где бы их еще взять? В нашей библиотеке только тома Ленина и товарища Сталина стоят, да всякое такое – о построении светлого будущего. За этим парторг Кулько строго следит. Даже иногда людей собирает, чтобы вместе читать. А ты с чего про детективы-то спросил?
– А с того, Сеня, что некому было убивать отца. То, что он лежал на полу у печи, а не в спальне, ничего не значит. Прихватило сердце, хотел выйти, позвать людей, да не смог.
– Так-то оно так. Но ты послушай. В понедельник к нам электрики на машине заявились. Маханов посмотрел на друга, налил сто граммов:
– Выпей!
Семен выпил, занюхал рукавом.
– Так о чем это я? А, да, в понедельник электрики приехали. В кои-то века, и заметь, не районные, а городские. Я по номерам понял.
– И что? По делу люди приехали.
– Да никаких дел-то у них тут и не было. Ни обрывов проводов, ни замечаний, подстанция тоже в порядке.
– Плановый технический осмотр.
– Ну да, прошлись по деревне, на «сопли» поглядели, столбы покачали – крепко ли стоят. Ну, и ехали бы восвояси. Так нет. Остановились у Мирона Рылова.
– У Рылова? – переспросил Николай.
– Да, один на столб в «когтях» залез, отсоединил провод, что к хате Рылова идет, чего-то там поковырял и обратно присоединил. Потом они до вечера у Рылова сидели.
– Пили?

– В том-то и дело, что нет. Оба трезвые вышли, и Рылов не пил. Он, когда выпьет, злой становится, как черт. А тут – ничего. У меня тогда машина сломалась, я ее на технический двор загнал и – до дому. И видал все. Трезвые они были. Электрики сели в машину и подались в сторону райцентра, Рылов домой пошел. А утром он же и нашел отца твоего. Вот ты мне скажи, почему дверь-то была открыта? На ночь все закрываются, это во двор к сортиру дверь открытой оставляют, а входную на засов. А тут все открыто, и Рылов – первый свидетель. Я потом прошелся по улице – черта с два чего снаружи увидишь – куст сирени из палисадника закрывает. А этот, глазастый, разглядел.

Маханов задумался. Семен сам налил себе еще сто граммов. Николай больше не стал.

– Ну и что скажешь? – спросил Коробов, обтирая губы.

– По-моему, ты преувеличиваешь. Ну, зачем кому-то из города открыто, ставя под подозрения Рылова, убивать отца?

– А вот этого я не могу сказать – загадка. Может, с Рыловым поговорить?

– А смысл? Скажет, благодарить должны, что вовремя тело нашел, а то неизвестно, сколько пролежало бы оно в хате.

Коробов шмыгнул носом:

– Ты прав, отмажется.

– А чего ты так зол на Рылова, тебе-то он что сделал?

– Шкура он. Не наш человек.

– Ну, если во враги записывать всех, кто не нравится...

– Хочешь сказать, он – нормальный мужик?

– Не знаю.

– А зря. Ладно. Что хотел – сказал, а ты дальше сам решаешь.

– Чего решать, Сеня?

– Я бы на расследовании настоял. Ты же инженер из Москвы, можешь расшевелить райотдел милиции. Там следователь есть.

– Все, Сеня. Не до того мне, в город быстрее вернуться надо. Я ведь почти самовольно уехал.

– Но у тебя же уважительная причина.

– Для моего начальства это не повод покинуть рабочее место.

– И что же это за место такое, что на похороны отца без разрешения уехать нельзя?

– Есть такое.

– А если твоего отца убили?

Маханов тряхнул головой:

– Не говори ерунды, Сеня!

– Ну, как знаешь, дело, как говорится, хозяйское, – пожал плечами Коробов.

Он допил водку.

– Хороша, не то что наш самогон! Хотя, с другой стороны, самогон из своего гонят, а чего на водочных заводах в питье добавляют, неизвестно.

– Чего там добавлять? Разбавил спирт водой, вот тебе и водка.

– Это так. Вопрос – какой спирт? Ну, да ладно. Окропи могилу, тут осталось немного.

Маханов взял бутылку:

– Пусть земля вам будет пухом.

– Не так, – поморщился Коробов, – упокой, господи, душу раба твоего новопреставленного и прости ему вся прегрешения его вольная и невольная и даруй ему Царствие небесное. – И перекрестился.

– Ты чего, Сеня, в Бога веришь?

– Как тебе сказать? И да, и нет.

– А откуда молитву знаешь?

– Я даже не знаю, молитва это или нет. Но вроде так надо говорить, а может, и не так. Ладно, что сказано, то сказано. Главное, если есть там, – он указал на небо, – Бог, пусть будет твоим родителям хорошо. Все, пойдем.

– Нет, ты ответь, откуда молитву эту знаешь?

– Да отстань ты, так на поминках старики говорят. А мы что делали? Поминали. А вообще, давай не касаться религиозных тем.

– Это правильно.

Маханов поклонился могиле:

– До свидания, мои родные, обещаю навещать вас... как выпадет время свободное.

Друзья двинулись между могил.

– А тут, – Семен указал на заросшую могилу без креста, – жена Рылова лежит.

– И что?

– А то, что она тоже странно померла. Пошла на реку полоскать белье и утопла. Как можно утонуть рядом с мостком, где глубина по колено?

– Всякое бывает. Стало женщине плохо, упала, захлебнулась.

– Или заставили упасть да притопили.

– Ну ты, Сеня, вообще... Во всем только злодейство видишь!

– Не во всем и не везде. А Рылов – злодей. Через год, как утопла жена, из райцентра девку молодую привез. А потом и она пропала. Говорит, не прижилась, уехала к себе.

– И что в этом странного?

– Уехала ли?

– Да ну тебя, идем домой.

Друзья вышли с кладбища и направились к Речной улице.

Проходя мимо хаты Рылова, Коробов проговорил:

– У этого упыря и хата не как у всех: двери крепкие, окна завешаны плотно, свет едва пробивается, и то, если близко подойдешь.

– Да, Сеня, если кто-то тебе не по душе, то это надолго.

– Навсегда. Тут ты прав.

– Машина-то твоя долго будет ремонтироваться?

– Председатель мотается по району, ищет запчасти. Как найдет – за полдня отремонтирую свой «ГАЗик». Может сегодня привезет, а что?

– Довез бы меня до города.

– А ты когда в Москву собрался?

– Думаю, завтра, крайний срок – послезавтра. Мне, главное, успеть в понедельник на работу.

– В воскресенье поедешь, успеешь. Отдохни маленько от жизни городской. У нас тут тихо. Если бы еще не этот Рылов. Он же, по идее, должен запчасти-то искать – все же агент по снабжению, а на него у председателя даже надежи нет.

– Чего он его тогда держит?

– А кто пойдет на эту собачью работу? Тетерин как-то мне предлагал, я наотрез отказался. Да и другие тоже.

– У вас здесь свои законы.

– Законы для всех одни, только относятся к ним везде по-разному. Нарушишь – в момент милиция заберет, а там – суд скорый, и поехал ты лес валить лет эдак на десять с поражением в правах. Времена-то какие!

– Без строгости нельзя.

– Строгость тоже может быть разной. Но – хорош об этом. Народ вон уже поминает всюю.

Допоздна засиделись гости. Это тяготило Маханова, но он ничего не мог поделать. Так уж принято на деревне. Как только солнце скрылось за горизонтом, дядя начал провожать навязчивых гостей. К десяти часам вечера двор опустел. Бабы взялись за уборку.

Николай с Коробовым пошли на берег реки. Здесь было много лодок. Сели в одну.

– Как же это тягостно, – проговорил Маханов.

Семен улыбнулся:

– Это еще хорошо, что мужики не передрались и песни не пели. По весне хоронили деда Евсея, помнишь, сторожем был на зернохранилище?

– Помню. Вредный такой мужик.

– Нормальный по сравнению с Рыловым.

Маханов взглянул на друга:

– Сень, прекращай, а? Дался тебе этот Рылов.

– Так вот, когда хоронили деда Евсея, сначала все чин по чину было. Гроб на кладбище отнесли, опустили в могилу, пошли за стол. Евсей один жил, ну, организацию похорон взял на себя председатель колхоза, хотя секретарь парторганизации был против. Слышал я их разговор на эту тему. Председатель все же настоял. Собрали по хатам, кто, что мог дать, и начали поминать. А собрали немало, особенно самогона. В общем, где-то часа за три упились мужики. Кто-то, уж не помню сейчас кто, песню затянул. Его одернули: чего поешь, похороны же! А ему все одно, что похороны, что свадьба, самогону принял сверх меры, понесло. Тогда сосед, недолго думая, ему кулаком в морду сунул. Другой было заступился, и понеслось. Дрались, как прежде, на кулачных боях. Рубахи летели лоскутами окровавленными, носы разбиты, столы перевернуты, бабы визжат, а мужики дубасят без разбору всех, кто под руку попадет. В общем, дрались-дрались, устали. В себя чуток пришли. Стали разбираться, а чего, собственно бились? Точно никто и вспомнить не мог. Поставили столы на место и давай дальше пить. И так дотемна, пока бабы их не растащили по хатам. Знатные поминки вышли. А у тебя все тихо, как положено.

Маханов проговорил:

– Хорошо-то как дома.

– Да уж получше, чем в Москве твоей. Тут воля, свобода!

– А людей сажают.

– Где ныне не сажают? Но поменьше стали, как Берия к власти пришел.

– Кто знает, что дальше будет.

– Люди говорят – война будет.

– И ты так спокойно говоришь об этом? – удивился Николай.

– А чего? У нас намедни фильм крутили «Если завтра война», так наша армия, выходит, сильнее немецкой. А значит, погоним мы врага от границы аж до самого Берлина.

Маханов улыбнулся:

– И ты веришь?

– Чему же тогда верить, если не нашему кино? И там все по-настоящему показывали: танки, броневики, самолеты, орудия. Солдаты как на подбор.

– Ты же служил, Сеня?

– А то! Конечно, служил, что я недоделанный какой?

– Тогда скажи, много ты в части своей видел таких молодцов с винтовками, как в фильме?

– Были. Не все, конечно, но – были.

– Ладно. Чего спорить? Может, и пронесет. И не будет войны хотя бы до следующего года.

– А что в сорок втором изменится?

– Многое. Не задавай ненужных вопросов.

– Эх, Никола, испортила тебя Москва, работа твоя на режимном предприятии. Забирал бы жену и – сюда. Товарищ Тетерин должность бы тебе дал, дом есть. Живи и радуйся. Захотел

на рыбалку – река рядом, а то и на Терев или на Припять с ночевкой съездить можно. Захотел на охоту – вон он лес заповедный вокруг. Тут у нас рай земной. Был я в Средней Азии, в командировку с офицером одним отправляли, когда служил. Вот где тоска. Ни лесов, ни полей – одни барханы. А жара? С ума сойти можно! А главное, ни днем, ни ночью от нее не укрыться. Местные в ватных халатах ходят, мы еще удивлялись, в такую жару и в халатах? А потом, как-то попробовал надеть его на голое тело и понял, почему узбеки носят халат – в нем не жарко. Не, я серьезно.

– Знаю.

– Откуда?

– Был в командировке, в Самарканде.

– А мы в Бухаре. Ладно, Коль, спать пора. Председатель так и не приехал. Достал ли запчастей? Черт его знает.

– Утро вечера мудренее.

– Согласен. Ну что, по домам?

– Да, по домам.

– Так ты решил, когда ехать?

– Завтра.

– Значит, не погостишь?

– Нет, в воскресенье поздно будет, в Москву попаду после обеда в понедельник, а надо к утру.

– Ну, дело твое. Я с утра зайду.

– Давай!

– Ну, пошли.

– Ты иди, Сеня, я посижу еще.

– Угу, полюбуюсь природой, она даже ночью красивая. Искупайся, если хочешь, тут везде дно песчаное и глубина небольшая.

– Ты это мне рассказываешь?

Семен скрутил очередную козью ножку, прикурил и, дымя как паровоз, пошел по берегу.

Николай посидел немного, потом поднялся и направился к себе.

А из кустов, левее того моста, где сидели друзья, вышел мужик в темных брюках, заправленных в сапоги, и такой же рубахе, поверх которой была надета безрукавка. Он осмотрел берег, деревню, отвязал лодку, столкнул ее в воду и стал грести вверх по течению. Идя лицом к деревне, мужик внимательно смотрел за огородами. Только во дворе дома Махановых еще убирались бабы, в остальных люди устраивались на покой после насыщенного событиями дня.

Глава третья

Рылов плыл вдоль берега недолго. За плавным изгибом он развернул лодку и повел ее к противоположному берегу. Вскоре она ткнулась в песчаную полосу. Из кустов вышли двое.

– Ну здравствуй, господин Рылов, – поприветствовал Мирона мужчина постарше.

– Здравствуйте, господин Ковалев.

Он посмотрел на второго:

– И вам здравствовать, господин Коротко.

Коротко кивнул. Ковалев, он же Генрих, спросил:

– Как прошел день?

– Похороны были, мужики успокоились затемно.

– Николай Маханов на месте?

– Да.

– С кем он в хате?

– Один. Родственники ушли. Был с ним друг детства, шофер местный, тот тоже домой подался. Так что, Николай Маханов сейчас один.

– Проверял?

– А как же! Глядел с огородов – в избе он. Сидел еще на дворе курил, думал о чем-то.

Коротко спросил:

– Он много выпил?

– Нет. За столом я его почти не застал, а когда сидели, пил он мало. Как говорится, символически. Другие нажрались знатно...

Генрих оборвал его:

– Нас не интересуют другие. У тебя все готово?

– Да, господин Ковалев.

– Перестань постоянно повторять мою фамилию. Отвечай односложно – «да» или «нет».

– Слушаюсь.

– Уверен, что сделаем все тихо?

– Да.

– План есть?

Рылов посмотрел на Генриха Дирка:

– А разве не по вашему плану будем работать?

– Ты тоже мог что-нибудь придумать. Тебе здесь виднее.

– Ну, если надо, – есть план. Правда, он мало чем отличается от первого, по его отцу.

– Гут. Начинаем немедленно.

Рылов возразил:

– Подождать бы немного, пока деревня уснет.

– Тогда твой визит к Маханову будет выглядеть подозрительно. Он – не его отец, который не видел в тебе врага, Маханов по роду своей деятельности привык к жесткому порядку и наверняка готов к возможной провокации. Согласись, Мирон, твое появление глубокой ночью может его встревожить. И тогда он поднимет шум. Все планы полетят к чертовой матери.

– Тоже верно, – проговорил Рылов, – хорошо, – решил он, – начинаем немедленно.

Они сели в лодку. Рылов веслом оттолкнулся от берега, развернулся и поплыл обратно к деревне. Ночь стояла теплая, тихая, звездная. Скрип уключин и всплески весел разносились далеко. Рылов старался меньше шуметь. Удалось незаметно подойти к берегу, откуда за гордьюбой начинался огород Махановых.

– Пошли, – приказал Ковалев.

Троица быстро метнулась к плетню, притаилась в зарослях. Вокруг тихо, только где-то вдали слышалась гармонь – кто-то играл грустную мелодию.

Они подкрались к дому.

Во дворе Коротко кивнул Рылову:

– Зайди с крыльца.

– Угу.

– Только, чтобы соседи не заметили.

– Постараюсь.

– Не постараюсь, а незаметно.

– Слушаюсь.

Ковалев повернулся к Коротко:

– Дирк, – в палисадник, контролируй окна.

– Да, Генрих.

– А я зайду в сени.

– Да поможет нам бог!

– Рылов! Пошел!

Агент по снабжению зашел к воротам двора, перелез через жерди, под сенью свисающей через забор сирени добрался до крыльца. Поднялся, осмотрелся.

Коротко-Дирк бесшумно проскользнул в палисадник и занял место на углу. Его скрывала от посторонних глаз та же сирень. Убедившись, что подельники на месте, Ковалев потянул на себя дверь, выходящую во двор, и пробрался в сени. Там прижался к стене кладовки. На лавке – кувшины, ведра, разная посуда.

Рылов постучал в окошко.

Маханов лег спать за полночь – собирал вещи. Утром он собирался еще раз сходить на кладбище, потом к соседу Фомичу, попросить, чтобы тот довез его до Олевска. Пробовал договориться сегодня, но дед напился так, что мужикам пришлось его нести домой на руках. Не предупредил Маханов об отъезде и дядю Степана. Но это он и завтра сможет сделать.

Сейчас он думал о том, останется ли не замеченным для кураторов его отсутствие в бюро и самовольный выезд из Москвы. Вряд ли. Капитан ГБ Ройман точно узнает, а вот доложит наверх или подождет – неясно. Скорее всего подождет, торопиться не будет. Он же первый и получит за поступок Маханова. Нетрудно представить, какой шум поднимет Ройман, когда Николай вернется. Но это будет шум внутри объекта. Ничего страшного.

Свет в деревне отключили еще в полночь. Маханов погасил керосиновую лампу, лег на жесткий матрац, положил голову на подушку, укрылся солдатским одеялом – подарком двоюродного брата Михаила, который сейчас командовал артиллерийской батареей на Дальнем Востоке. В какое-то мгновение ему показалось что за окном что-то мелькнуло. Он поднялся, прислушался, ничего не услышал. «Нервы. Спокойно, здесь мне ничто не угрожает. Спать!»

Но не успел он забыться, как в окошко тихо постучали.

«Это еще что за дела? – недовольно подумал Маханов. – Кого там еще принесло? Семен? Не должен. Тогда кто?»

Он поднялся, надел брюки, сунул босые ноги в туфли, накинул рубашку и подошел к окну: на крыльце маячил силуэт.

– Кто там?

– Это я, Николай Иванович, Мирон Рылов, – негромко ответил сосед.

– Мирон Авдеевич?

– Он самый. Разговор есть, Николай Иванович.

– Не могли днем поговорить?

– Не решился. Хочу передать вам, что напоследок успел сказать ваш отец. Откройте, не хочу, чтобы меня увидели.

Слова Рылова заставили Маханова насторожиться. Он открыл дверь:

– Проходите.

– Темно-то как!

– В избе лампа.

– Я сейчас, фонарик зажгу.

Рылов полез в карман. Маханов двинулся назад, и тут сильный удар по голове свалил его с ног.

Последнее, что услышал Николай перед тем, как потерять сознание, было:

– Ух ты! Не слишком сильно?

После этого – черная пропасть.

Беспомощного Маханова уложили на кровать.

Ковалев сказал:

– Смотри за ним, я заберу вещи.

– Только керосиновую лампу не зажигайте.

– Без тебя знаю.

В комнате Ковалев пробыл недолго. Вышел с чемоданом, пиджаком и шляпой.

– А господин Маханов готовился к отъезду. Наверное, утром собирался выехать. Мне и собирать ничего не пришлось, он все сам уложил. Приятно иметь дело с аккуратными людьми.

– Вы не убили его?

– Ну что ты, Рылов? Я умею действовать жестко, но безопасно. Как потащим его к тебе?

– Огородом. Надо так пронести, чтобы не осталось никаких следов.

– Надо, значит, понесешь.

– Я?

– Ну не я же?

Рылов вздохнул.

Ковалев прикурил:

– Жди тут, да смотри в оба. По идее он будет в отключке еще минут десять. Но если очухается раньше, свяжи его от греха подальше, а то как бы он тебя не удавил.

– Угу, так надежней.

Рылов снял со стены моток веревки, связал Маханова. Подумав немного, засунул в рот кляп. Николай никак не среагировал на это.

Ковалев вышел во двор, обошел заднюю часть дома, негромко позвал:

– Дирк!

– Я, – раздалось в ответ.

– Как тут?

– Спокойно.

– Иди сюда!

Говорили они тихо – диверсанты знали свое дело.

Бессознательного Маханова перенесли в дом Рылова, там опустили в подвал, в потайное помещение, которое маскировали стеллажи с разной утварью. Туда же бросили чемодан и пиджак. Николая уложили на заранее приготовленную кровать, руки и ноги привязали к каркасу, кляп вытащили – он плохо дышал носом, мог задохнуться.

Ковалев вышел во двор, мигнул фонариком. Из кустов, словно призрак, появился майор Агеев. Его провели к пленнику.

– Приведи его в чувство, – кивнул он Коротко.

Тот плеснул из кувшина воды в лицо Николая. Маханов пришел в себя, увидел майора, дернулся было, но понял, что привязан.

– Майор, что все это значит?

– Ну, если быть точным, товарищ Маханов, то не майор, а гауптман.

– Вы немец?

– Да.

– И вы здесь?

– В этом вы видите что-то странное? Кому, как не вам знать, что в ближайшее время тут буду войска непобедимой Германии.

– Спорное утверждение.

– Нет, Николай Иванович. Это как раз сомнению не подлежит. Красной армии в ее нынешнем состоянии не под силу противостоять вермахту. Пройдет немного времени, я даже скажу точнее, не позднее ноября, в День вашей революции у мавзолея, как всегда, пройдет военный парад, только на этот раз – парад немецкой армии.

Маханов поморщился:

– У вас богатая фантазия, гауптман.

– Так будет, Николай Иванович. Помяните мое слово.

– Зачем я вам?

– Если бы вы были не нужны, мы бы не стали разрабатывать целую операцию.

– Значит... мой отец...

Агеев перебил его:

– Да, вашего отца пришлось убрать. Смею заверить, что он умер легкой смертью. Один укол, и все! Он не мучился. К тому же прожил долгую жизнь. А в последнее время существовал, а не жил. Сын забыл о нем, жена умерла, с братом отношения не ладилась, сестра покойной жены далеко, в городе. Он страдал от одиночества, Николай Иванович. Разве можно так поступать с самым близким человеком?

– Не вам судить.

– Согласитесь, Николай Иванович, неплохо мы поработали.

Маханов отвернулся.

Майор кивнул Ковалеву. Тот силой вернул голову Николая на место – Агеев снова смотрел на него в упор.

– Не желаете разговаривать? Ради бога. Мне от вас лично ничего не надо. Вашей персональной займутся другие люди и уверяю вас, общение с ними не доставит вам удовольствия, если только вы не поведете себя правильно. Отдыхайте пока, кричать бессмысленно, отсюда вас никто не услышит. Питание и воду получите. Туалет? Вместо сортира, извините, ведро.

– Меня завтра же начнут искать.

Майор пожал плечами:

– Не спору, начнут. Но не найдут. А если кто-то и пронюхает, что вы здесь, то нам придется отправить вас на небеса. В этом тоже есть свои плюсы, не так ли?

Маханов с усилием усмехнулся:

– Плюсы в смерти?

– Да. Вам осточертела работа на закрытом секретном объекте под постоянным контролем. Вы разочаровались в своей жене, оттого что знаете: она не сидит дома, когда вы находитесь на объекте. Госпожа Гридман не из тех женщин, что ждут мужей, сидя у окна. Она любит мужское общество, рестораны, благо жалование супруга и положение отца позволяют ей беззаботно и весело проводить время. И как вас угораздило, Николай Иванович, жениться на этой... бабе?

– Вас это не касается!

– Хотели использовать положение тестя? Но вы и так поднялись бы по карьерной лестнице, с вашей-то головой! И вы еще можете подняться. В Германии перед вами будут открыты безграничные возможности.

– Идите вы к черту, майор.

– Большевистская упертость. Мне это знакомо. Странные вы люди, русские, вас ведут на расстрел, а вы кричите: «Да здравствует товарищ Сталин!» А ведь он обрек вас на смерть. Такого нет ни в одной стране мира!

Маханов нашел в себе силы усмехнуться:

– Вот поэтому ваша доблестная армия сгинет в России. Вам никогда не победить народ, который вы не понимаете, герр гауптман.

– Насколько же пропаганда может затуманить даже такую светлую голову, как ваша. Но это пройдет. Отдыхайте, Николай Иванович. У вас на это есть несколько дней.

Майор поднялся, приказал Ковалеву и Коротко:

– На выход!

– Гауптман, минуточку! – окликнул его Маханов.

Тот обернулся:

– Слушаю вас.

– Вы убили моего отца?

– Нет. И не те люди, что прибыли со мной.

– Значит, Рылов?

– Это вы спросите у него. Он будет смотреть и ухаживать за вами, как за больным и самым дорогим человеком.

– Я его удавлю.

Майор пожал плечами.

– Попробуйте. Ничего не имею против, но – позже. Мы еще встретимся и совсем скоро. На этом прощаюсь, Николай Иванович.

– Прав был Семен, а я не поверил, идиот.

Агеев рассмеялся:

– На это и было рассчитано, господин ведущий конструктор.

Диверсанты поднялись в комнату. Рылов закрыл маскировку и стал у стола, вокруг которого расселись немцы.

– Что делать дальше, господин Алекс?

– Смотреть за односельчанином.

– Но он узнал, что это я... его отца.

– Ему сказали об этом.

– Все пронюра этот, Семен Коробов. Господин Алекс, его надо убрать, он не даст мне покоя.

– Не паникуйте, Рылов, делайте свою работу без эмоций. Шофер ничего не докажет, да и некому в принципе доказывать. К тому же времени у местных органов на поиски товарища Маханова практически не осталось.

– Быстрее бы все началось.

– Начнется, Мирон. Терпение. Мы сейчас уйдем, тебе же придется действовать строго по инструкции. В этом, если хочешь, гарантия твоей жизни и твоего будущего.

– Я все понял, господин Алекс.

– Проводи нас.

– Прошу во двор.

Все трое вышли во двор и направились огородами к полю. По неглубокой балке дошли до леса, потом еще три километра вглубь, до елани (лесной поляны), где проходила грунтовая дорога. Там стоял «ГАЗ-А» с армейскими номерами. Машина пошла в сторону Олевска и далее, к городу, куда и прибыла на рассвете субботы, 21 июня 1941 года.

Рано утром Коробов зашел в контору. Председатель колхоза был уже на месте. Сидел за своим столом и писарь. Бухгалтер еще не подошла.

Коробов прошел в канцелярию:

- Здравия желаю, Алексей Викторович.
- Здравствуй, Семен. Скажу сразу – запчастей нет.
- И что мне делать?
- Ремонтируйся.
- Как, Алексей Викторович?
- А я не знаю, как хочешь.

У председателя колхоза был уставший вид. Должность – еще та, везде поспей, все контролируй, да еще и запчасти ищи.

Коробов спросил:

- Почему вы Рылова не запряжете?

Председатель только отмахнулся:

- Толку-то?
- А зарплату ему платите за что?
- Семен, оставь этот разговор!
- Правда – она никому не нужна, как будто вы чем-то обязаны этому хрычу.
- Ты еще обвини меня в кумовстве да напиши об этом в район.
- Я не стукач.
- Скажи лучше, Сеня, как вчера похороны Ивана Ивановича прошли?
- Все чин по чину.
- Мужики нажрались?
- Как ни странно, нет.
- Похоронили Ивана рядом с женой?
- Да.
- Зайду, положу цветы на могилу.
- Так чего мне делать, Алексей Викторович?

Председатель почесал затылок.

– Что делать? У нас на машинном дворе стоит старый грузовик, может, оттуда чего возьмешь?

- Там одна рама с дисками, все остальное уже пустили в ход.

– Ну тогда не знаю. В общем, займись другом своим, Николаем, он ученый человек, большую должность в Москве занимает.

- Говорил – инженер.

– Инженеры они разные бывают. В общем, на МТС обещали: в понедельник, 23-го числа подвезут запчасти. Их снабженец включил нашу полуторку в наряд. А может, и новую сразу дадут. В Олевске, слышал, на район шесть «ЗиС-5» выделяют.

Коробов машинально вздохнул:

- Эх, нам бы хоть один достался.

– Посмотрим, все это пока хлипко. В районе какая-то суета, предприятия работают, а люди мрачные.

- Войны ждут.

- Тьфу на тебя, Коробов. Не будет войны! Все ограничится провокациями.

– Ага. Ладно, с Махановым, так с Махановым. Пойду разбужу московского гостя, он сегодня собирался податься в столицу.

- Отчего так спешит?

- Говорит, надо на работу.

- Ну да, он человек занятой, не то что ты.

– А чего я? Давайте запчасти, я сделаю машину. Потом – хоть куда.

Из конторы Семен прошел к участку Махановых. Открыл калитку, зашел на крыльцо. Дернул дверь – закрыто. Постучал – в ответ тишина. Он перепрыгнул через боковину крыльца в палисадник. Постучал в окно – то же самое. Пошел вокруг дома, пытаясь рассмотреть, что там внутри. Маханова не было видно.

– Ну и спит дружок.

Вышел во двор. Задняя дверь открыта, в сортире никого нет. Подался в сени, оттуда в комнату. Везде порядок. Заглянул в спальню, удивился – и там Николая не было.

– Да что же это такое, не мог же он уехать, не попрощавшись?

Все обошел Коробов, Николая и след простыл. Не было ни его чемодана, ни его шляпы. Значит, уехал. Но на чем? Только на подводе Фомича. А что у нас дед Фомич?

Семен не стал обходить по улице, перелез через плетень на участок возчика и... столкнулся с ним лицом к лицу.

– Семен? Ты чего это, как вор, шатаешься по дворам?

– Николая искал, да не нашел. Он не договаривался с тобой ехать в Олевск?

– Мужики говорили, хотел вроде, да вчера, вишь, не вышло. Значит, утром должен прийти. Вот жду.

– Хм, странное дело получается. Исчез Колька Маханов...

– Его точно у себя на дворе нет?

– Все посмотрел – нету.

– Может, на кладбище пошел?

Коробов посмотрел на Фомича:

– А ты еще не весь ум пропил! Верно говоришь, Николай хотел до отъезда попрощаться с родителями. Точно – на кладбище он, пойду туда.

– Одна неувязочка, Сеня.

– Какая?

– Николай должен был сперва договориться, чтобы я готовил подводу, а потом идти на кладбище.

– Ну, спросонья, может, и не сообразил. Городские, они такие.

– Беги погляди, а я пока запрягу кобылу.

– Угу!

Коробов пришел на кладбище, но Маханова не было и там.

Семен забеспокоился. Обошел всю деревню. Его заприметил парторг Кулько:

– Ты чего, Коробов, бегаешь по деревне, будто потерял чего?

– Так оно и есть, Осип Макарович, потерял.

– Чего?

– Не чего, а кого. Колька Маханов исчез. Из деревни не выезжал, ни дома, ни на кладбище и вообще нигде на деревне его нет.

Парторг удивился:

– Нет Маханова, говоришь?

– Нету, Осип Макарович.

– А ну, идем, внимательней посмотрим.

– Думаете...

Парторг, в прошлом отчаянный буденновец и сотрудник правоохранительных органов, прервал шофера:

– Я ничего не думаю. Думать будем, когда хату посмотрим.

– Да я смотрел, все в порядке будто.

– Вот именно – будто.

– Ну, если вы так считаете, идемте.

– Уже сказал, только вида не показывай, что у нас ЧП – чрезвычайное происшествие.

Коробов взглянул на него:

– А у нас ЧП?

– Все может быть. Сам же повсюду трезвонишь: не своей смертью помер Иван Иванович.

– И до вас дошло?

– Плохой бы я был парторг, если бы не знал, что происходит в деревне.

– Стучат, значит. И когда эта зараза только пройдет? Навострился народ друг на друга
кляузы писать.

– Ты мне прекращай подобные речи. Люди следуют направлению, указанному партией
и правительством.

– Что-то я не слышал, чтобы партия...

И вновь парторг оборвал Коробова:

– Не продолжай, а то наговоришь лет на пять. Я не сдам, другие подсуетятся.

Они подошли к забору Махановых. Калитка открыта.